

Воспоминания доктора П. Ф. Тюрина

«Пройдет время, меняется облик нашего города, и люди будущего утратят представление о прошлом, хотя, может быть, будут интересоваться им.

Может быть, это оправдывает попытку сделать хотя бы и не совершенные зарисовки некоторых бытовых черт нашего города в предреволюционные годы. Относятся они в первую очередь к жителям одного, наиболее знакомого мне квартала, одного, поскольку он был частью всего города. Находился на окраине, там, где не было мощеных дорог и тротуаров. Жили здесь в небольших в двух и трехконных домиках под черепичной или даже деревянной крышей. В кварталах подальше от центра попадались и хатки, крытые камышом.

Жителями были семьи служащих, приказчиков, базарных торговцев, лавочников, рабочих. В одной семье отец торговал (не очень успешно) на базаре курами, а жена и многочисленные дочери весь день шили простые хлопчатобумажные брюки по заказу торговцев дешевой одежды. Некоторое время жил тряпичник, вся семья которого занималась обходом дворов, выбирая в мусорных ящиках кости, тряпье, бутылки и все, что могло быть еще пушено в дело. Жила в квартале еще семья квасника, т.е. владельца квасни-деревянного киоска, в котором продавался хлебный квас. В квасне было две бочки - кислый квас, в меньшей - сладкий. Продавался квас кислый - большими, а сладкий - маленькими стеклянными кружками. Чаше пили смесь кислого и сладкого - на копейку кислого и на копейку сладкого, или на две копейки кислого, и на одну копейку сладкого, своего рода коктейль. Пить один лишь сладкий квас было дорого, а некоторым и не нравилось. Квас покупали и для окрошки. В квасне был также стеклянный лоток с дешевыми конфетами-марафетами, как их называли. Было сито с жареными подсолнечными и тыквенными семечками. Такие квасни были в окраинных районах или на границе центра и окраины, в частности на углу Елизаветинской улицы и Соборного переулка.

Была в квартале также семья мелкого подрядчика, бравшего подряды на небольшие строительные работы, вроде копки и облицовки цистерн для дождевой воды - одной из особенностей города того времени, порожденной постоянным недостатком воды. Это круглая, довольно глубокая (2-2,5 метра) яма, облицованная цементом и битым кирпичом, или галькой, суживающаяся кверху и переходящая в укрепленную на ней большую железную трубу с воротом. Вода собиралась во время дождя через желоб, вставленный в приспособление для фильтра - ящик из оцинкованного железа, облицованного кирпичом. Дно ящика было решетчатым, на нем лежал войлок, а поверх галька и древесный уголь. От фильтра под землей наклонно шла труба, по которой вода текла в цистерну. Воду доставали ведром, прикрепленным веревкой или цепью к вороту. Дождевая вода была холодная, мягкая, казавшаяся сладковатой после обычной воды из скважин, которую называли машинной водой. Тем, кто не имел цистерну, возили водовозы в мерной бочке, поставленной на телегу. Воду они брали в водокачках, качавших ее из скважин. Лучшей считалась вода из водокачки Петриченко. Водовоз обычно клялся, что возит воду именно от Петриченко, и в доказательство предъявлял квитанцию. Но, как правило, хозяйки в квитанцию не заглядывали и тем более не отбирали ее, так что одной квитанцией можно было оправдать не одну бочку.

Жили в квартале и люди, род занятий которых был неясен. Материальный уровень обитателей окраинных кварталов был значительно ниже центральной части города. Центральный район ограничивался с небольшими отступлениями улицами Греческой, Елизаветинской и переулками Коммерческим и Гоголевским. Дома в центральной части, несмотря на их внешнюю привлекательность, или даже красоту, имели мало коммунальных удобств. Отопление было печное углем, водопровода и канализации не было. Ванны имели лишь единичные дома, в ряде домов были уборные с выводом нечистот в выгребную яму, в большинстве случаев это была всасывающая яма, которая запрещалась санитарными прави-

лами и в то время, но обычно запрещение нарушалось на худой конец за счет взятки. Дороги в центральной части были вымощены булыжником, а тротуары - каменными плитами. Ширина тротуара зависела от зажиточности владельца прилегающего к тротуару дома.

Жили здесь владельцы или директора заводов или банков, адвокаты, врачи, владельцы магазинов, помещики близлежащих поместий, крупные чиновники, учителя гимназии и др.

Наиболее низкий уровень был у жителей городских пригородов: Касперовки, Скараманговки, Камбициевки и номерных переулков, все разраставшихся, носивших в то время нелепое название «Собачеевка».

Летом жизнь начиналась пением петухов. Петухи и куры были в каждом дворе. Они свободно ходили по двору, выходили на улицу, не вызывая чьего либо протеста. Иногда забирались в чужие дворы, тогда срочно изгонялись. Вместе с петухами, чуть позже, вставали хозяйки, чтобы приготовить чай и все, что нужно мужьям к выходу на работу. За ними вставали и мужья. Время выхода зависело от характера работы и расстояния до нее.

Все шли на работу пешком. Единственным транспортом были извозчики. Одноконный, легкий экипаже открытым верхом, отбрасывающимся в хорошую погоду, имел два сидения: основное, более удобное, и небольшую скамеечку, тоже покрытую кожей, но более жесткую, на которой могли поместиться два пассажира, обычно дети. Они сидели спиной к направлению движения и опирались спиной на козлы кучера. Козлы (или облучки) возвышались с передней части экипажа. Извозчик, сидевший на них, был одет в широкий кафтан, запахивающийся спереди, обшитый блестящими, под серебро, ажурными пуговицами в несколько рядов сверху донизу. Зимой он был теплым, на вате, летом подпоясывался цветным кушаком, чаще красного цвета. Экипаж был на рессорах. Под задним сидением рессоры были больше. Они несколько выдавались сзади и были большим соблазном для мальчишек с окраин в тех случаях, когда по их улицам проезжал извозчик. Ухватившись за рессоры и опершись ногами на заднюю ось, можно было проехать один-два квартала, пока извозчик не заметит и не погрозит кнутом бесплатному пассажиру. Большая часть извозничьих экипажей была на железном ходу, и они очень сильно тарахтели, когда ехали по мостовой. У меньшинства колеса были на резиновом ходу, со сплошной резиной, и совсем немногие имели пневматические шины, их называли «лихачами». Экипажи у них сверкали черным лаком, спицы на колесах были яркого красного или зеленого цвета, лошадь была покрыта цветной сеткой, кафтан на лихаче был из более дорогого материала. За проезд на лихаче плата была дороже. В разговоре и кучера и экипаж объединяли одним словом «извозчик» и ездили не «в экипаже», а «на извозчике». Зимой извозчики ездили на легких саночках, «козырьках», в которых могло поместиться два пассажира.

Можно было добавочно на колени посадить еще ребенка, если он был с пассажирами. Санки скользили легко и беззвучно по снежной дороге. Для предупреждения пешеходов и встречных извозчиков зимой на лошади были бубенчики, звеневшие мелодичным звоном. Летом слева от козел был электрический фонарик, дававший слабый свет. Электрических фонариков на оглоблях, о каких писал Блок в «Двенадцати» у таганрогских извозчиков не было.

Ни служащие, ни тем более, рабочие на работу на извозчиках не ездили. Проезд «в один конец», как тогда говорили, стоил 20 копеек - немислимая трата из бюджета служащего или рабочего, мысль, о которой даже не приходила в голову. Езда на извозчике была роскошью. Обычно извозчика нанимали, если нужно было привезти врача. А к врачу больной, если мог, шел пешком.

Для перевозки тяжестей, угля, мебели при переезде, овощей на зиму и т. п. нанимали ломового извозчика «драгиля», как его называли. Хозяйки на базар шли также пешком, хотя нести корзину с овощами было иногда нелегко, особенно если жили от базара далеко. А ходили обычно каждый день, базар был один из основных мест, где покупались продукты. Только на базаре можно было найти мясо, рыбу и все молочные продукты: творог, который тогда назывался сыром, сметану, кислое молоко, масло и обычное молоко, которое называли «сладкое молоко». Там же были и куры, яйца и все овощи. Специальных мясных, рыбных,

молочных магазинов вне базара и в городе не было, а на базаре были ряды - мясные, рыбные, овощные и другие. Была в Таганроге молочная ферма «Галька», но она поставляла молочные продукты состоятельным жителям центра, конечно, по повышенной цене. Продукты эти развозились на льду в одноконном закрытом фургоне на рессорах, напоминавшем большую карету; на боковых его стенках и на дверцах крупными буквами надписи: «Галька».

Необходимость покупать продукты ежедневно диктовалась обстоятельствами. Ни сырые продукты, ни приготовленную из них пищу хранить было негде. Лишь в отдельных домах были примитивные ледники - небольшие шкафы, внутри которых были вставлены ящики из луженого железа, меж стенами, которых находился лед. Лед для них нужно было покупать, что было недешево. В некоторых дворах в центре ледники засыпали зимой льдом с моря и заливали водой, затем все засыпали соломой. Но таких хранилищ льда (их называли ледниками) было очень немного. Основная часть жителей хранила продукты в погребах, там можно было сохранить хорошо овощи, но не скоропортящиеся продукты - молоко, мясо и т. п. Зимой все это было проще, но и тогда готовили обед каждый день.

Посещение базара кроме необходимости, было и своего рода развлечением, ведь другого отвлечения от домашних дел за целый день у хозяек не было. На базаре можно было встретить знакомых, вообще повидать людей, да и самый процесс покупки в некотором роде развлекал.

После возвращения с базара начиналось приготовление обеда. Улицы пустели, в городе воцарялась тишина. Было настолько тихо, что в квартале, расположенном в полутора-двух километрах от порта, был слышен лязг разгружаемого там железа. Слышна была работа землечерпалки, находящейся далеко в море. А от железнодорожной станции, находящейся на таком же расстоянии, были слышны не только гудки паровоза, но и шум пара, и стук колес поезда. Такая тишина была и во многих других кварталах, но она не была абсолютной. Время от времени она прерывалась голосами, как теперь сказали бы, представителей бытовых услуг с доставкой на дом. Иногда они сливались в своеобразную симфонию звуков. Чаще и громче звучали женские голоса продавщиц бубликов. У каждой была своя манера и высота голоса, свои ударения, тембр, протяженность звука.

В разных концах города слышалось: «Бубликов, бубликов, бубликов». Некоторые проявляли большую выразительность. Однажды отец рассказывал, что был буквально испуган, когда встретившаяся разносчица бубликов вдруг вращая глазами и дико, как кликуша, завопила свое «бубликов, бубликов, бубликов». Значительно мягче звучали мужские голоса: «Вот точить ножи, ножницы». Это точильщик шел, неся на плечах довольно тяжелый точильный станок, с улицы на улицу, изо дня в день. Навстречу несется певучее: «Тазы, ведра починяю!» - жестянщика, несущего на плечах мешок, на котором наверху листы жести и железа. Тазы, ведра, кастрюли и пр. починялись здесь же, во дворе заказчика. Значительно меньше было лудильщиков, нередко лудивших самовары и медные кастрюли во дворе у их владельцев. Лудильщиков приходилось искать, если возникала необходимость.

Голосов было много, время от времени было слышно: «Вугиля, вугиля», это продавец древесного угля, который покупали для растопки самоваров. Он везет уголь в большой, высокой плетеной из тростника корзине, поставленной на колеса. Уголь продавался на мерку, напоминавшую форму для куличей. Почему «вугиля», а не угля? Возможно, что уголь привозился из недалекой Украины. А может быть, это один из украинизмов, которых было много в речи таганрожцев. Так, например, говорили: «поводу», а не «за водой». Сказать «за водой», значило получить замечание, хотя в песне пели: «Шла девица за водой». Вообще было много искажений слов. Говорили «калидор» или «пиль», а не пыль. Говорили «фатажек», а не керосин, «плитуар», а не тротуар и т. п. (Даже в одной песенке пелось «А я один иду по плитуару...» - О.Г.).

Еще один продавец предлагал: «гарбузов, гарбузов». Это тоже явный украинизм, да еще с искажением смысла слова, так как по-украински арбуз - ковун, а гарбуз - тыква. Впрочем, тыкву в Таганроге и сейчас еще называют кабаком.

Но, пожалуй, самыми частыми были голоса мороженщиков. Если «бубликов, бубликов» раздавалось по утрам, то призывы «сахарно морожено» или «Вот сахарно морожено», были более частыми в середине дня, когда усиливалась жара, и к вечеру, когда возвращались все домой и было больше возможных покупателей. Мороженое продавцы возили в небольшой двухколесной тележке, на котором стояла деревянная лохань, а в ней обложенные льдом и солью два-три металлических ведерка: одно побольше - со сливочным, так сказать, с основным мороженым, и еще добавочно одно - два с грушевым, вишневым, кофейным и другими наполнителями. Мороженое накладывалось в толстостенные стеклянные стаканчики разной величины на 2-3-5 копеек, к стаканчику давалась маленькая костяная ложечка. Мороженщик ждал, пока покупатель, обычно детвора, съест мороженое, а затем ехал дальше. Ложечки и стаканчики полоскались в воде из маленького металлического бачка с краном, приспособленного к тележке. Последние годы продажа мороженого была усовершенствована, оно накладывалось между двумя небольшими круглыми вафлями с помощью специальной металлической формочки. При этом не надо было ничего мыть, и мороженое тоже было рассчитано на 2-3-5 копеек. Несмотря на кажущуюся небольшую цену, мороженое покупалось нечасто. То небольшое количество, что помещалось в тележке, мороженщик, чтобы распродать, возил целый день по улицам города, но и не всегда успешно.

В центральные районы мороженщики старались не забираться, особенно в самый центр - на Петровскую, Николаевскую, где их гоняли городские. Жители этих улиц находили неприличным брать мороженое у мороженщиков. Обычно его ели в своего рода молочных кафе, которые летом открывали в городском саду и на открытой веранде в санатории, где Чанышев был большой мастер готовить молочные продукты.

Более доступными, чем мороженое, сладостями для детей, живших в окраинных районах, были «марафет» - дешевые конфеты, продававшиеся торговками, располагавшимися на углах улиц. Они торговали семечками и «марафетами». Продавались они и в квасных. Это были тонкие, плоские, ромбовидные маковники, ириски, леденцы, засахаренные орехи и еще какие-то, описать которые невозможно, формой и величиной как маковники, но состоящие из неопределенного вязкого, ярко окрашенного в красный цвет тестовидного вещества. Их очень любили. На базаре с лотков продавались всякие сладкие соблазны в большом разнообразии. Были «огурчики» кусочки теста, по форме напоминающие огурчики, с рифленой поверхностью, а затем варенные в меду. Фруктовая халва, вначале склеивающая рот, а затем растворявшаяся в нем, продававшаяся кусками, рожки, привозимые из Греции - стручки, напоминавшие внешним видом стручки акации, но более толстые, не терпкие и сладкие, и многое другое. Шоколадных конфет не покупали вообще, вне праздников покупали не более 1/4 фунта.

Газированная вода (сельтерская) с сиропом продавалась лишь в одном ларечке на Петровской улице. Впрочем, об этом ларечке ходили плохие слухи. Фруктами дети лакомились, если во дворе росли свои деревья, как правило, вишни и жерделы, иногда слива, абрикосы, белгороды. Варенья варились в общем не так много. Больше всего вишневого, вишни были дешевле, да часто были и свои деревья. Его варили фунтов 10-20. Значительно меньше варили из других фруктов - абрикос, слив, райских яблок и совсем немного варенья малинового, черносмородинового и др. Варенье было доступным, но не ежедневным лакомством, и когда бывали гости, варенье обычно подавалось 2-3 сортов.

Из других заготовок на зиму варили томат, солили в бочках капусту, огурцы. Крупы и бакалейные товары покупали в так называемых бакалейных лавочках. Это были маленькие продуктовые магазины, расположенные в небольшой комнате с выходом на улицу, в доме, где жил хозяин лавки. К двери, выходящей на улицу, был приделан звонок, звонивший, если кто-либо открывал дверь. Это предупреждало хозяев, что кто-то вошел. В лавке продавался хлеб обычного для таганрожцев сорта «дрождевой» - более белый и более дорогой, и «макаронный», очень своеобразный, немного вязковатый, возможно, из макаронного теста, более дешевый. Ржаной темный, и так называемый пеклеванный - не имели широкого спроса и распространения.

В лавке из-под полы можно было купить и водку. Вообще же водка продавалась в «монопольках». Такая «монополька» была на углу Елизаветинской и Полтавского переулков. Называлась она «монополькой» из-за указа о монополии водочной торговли. К этому времени относится анекдот. Царь говорит царице: «Нет, Саша, водка наша», а она отвечает: «Да будет, Коля, твоя воля». И появление песни, начинавшейся словами: «Куда едешь, куда идешь, куда шкандыбаешь? До Маруси в монополь, разве ты не знаешь?». Сюда стекались в обеденный перерыв ломовые извозчики, грузчики, многие из «сезонников» - маляры, штукатуры и другие мастеровые, местные и приезжавшие на лето. Все столы монопольки были утыканы сургучом. Купив небольшую посудину, чаше «сотку», сходящиеся сюда извозчики, драгили, сезонники обдирали о стенку сургучную печать с горлышка, выбивали ударом ладони под дно пробку и тут же выпивали.

Обычно в бакалейную лавку посылались дети, но иногда в свободную минутку шли сами хозяйки. Там можно было встретить соседок и перебраться парой слов, узнать новости, или же просто поболтать. Летом, отдохнув после обеда, в кварталах, расположенных к морю, шли купаться на море. Это было не только гигиенично и отдыхом, в какой-то мере развлечением. К морю шли напрямик через пустыри, бывшие на берегу, по тропинке обрывая или через мощеный, так называемый «Баный спуск», располагавшийся возле мясокомбината, или, как тогда говорили, скотобойни, теперь Комсомольского переулка, в то время Кампенгаузенского.

Можно было пройти до конца спуска, но там купали лошадей. Обычно, не сворачивая на последний виток вправо, спускались по небольшой каменной лесенке влево, где было место для купания людей. Слово «пляж» тогда не употреблялось.

Женщины от мужчин купались отдельно, так как ни купальных костюмов, ни трусов, ни плавок обычно не продавали. При этом первой была часть берега, где купались женщины, мимо которых шли к своему пляжу мужчины.

Время от времени бойня спускала в море отходы, как говорили тогда, «спускала кровь», и вода в нем интенсивно окрашивалась в красный цвет на 8-10 метров в глубину и на довольно значительное пространство по берегу, захватывая главным образом место, где купали лошадей, и женский пляж, и меньше ~ место для мужчин. Вообще это никого особенно не смущало.

Многое из того, что, в своих воспоминаниях поведал доктор Тюрин, можно было наблюдать в Таганроге вплоть до начала Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. До сих пор я еще чувствую архаичную атмосферу милого старого Таганрога, с его тихими уютными улочками и переулками.